

Хочешь быть свободным - будь им

Одна из более сорока его книг называется - «Русская дума». Гачев послужил в ней умершему другу, художнику Юрию Селивёрстову. Художник оставил нам целостную и связную серию графических портретов национальных мыслителей, от Пушкина до Лосева и Бахтина. Гачев каждый из этих портретов развернул в обширные портреты словесные, философские. Нет уже обоих авторов этой книги, и нет художника, чтобы продолжить серию портретом самого Георгия Гачева. И приходится нам сегодня собственную его книгу дополнить. И даже кажется, что портрет для этого мы имеем. Правда, не портрет, а фото, но удивительно родственное селивёрстовским в книге портретам, словно бы снятое по их образцу. В фокусе, как и там, лицо и руки, крупно, рельефно поданные и скрещённые напряжённым узлом. И взгляд, под очками уходящий в себя (см. в кн.: Георгий Гачев. 60 дней в мышлении. Самозарождение жанра. М., 2006).

Гачев был среди нас - кем он был? Филологом, философом особенного покроя, вообще мыслителем, может быть, культурологом? Но этим последним титулом вот уж не хочется его называть. Гачев был необыкновенное человеческое мыслящее существо. Существо вне ряда и вне сравнения и уж, конечно, вне отдельного профессионального цеха. Некогда, в 1973-м, он послал Ю.М.Лотману в Тарту статью о космосе Достоевского на предмет публикации в их знаменитых «Семиотиках». Лотман ответил отказом, но в обоснование подсластил пилюлю и спросил про работу: «Она, бесспорно, очень значительное явление. Но вот чего?» В самом деле, может быть, «русская дума» и было верным его самоопределением? Но уж очень широкое и поэтически-вольное. Впрочем, и Лотман, отказав статье в научности, признал ее как «факт художественной прозы в большей мере, чем научной».

Гачев - **Георгий**, земледелец, рыхлитель, переворачиватель пластов и в мысли, и в языке, работник в их недрах. Таков он и в своих путешествиях по национальным космосам, предпринятых в мысли, не выходя из дому, в фактах чужой литературы, мысли и языка, и просто в дружеских шутках: «Пришел я к Бочаровым - во свояси, и было меж нас разДУМье на русском расПУТЬе» (на книге «Русская дума», надпись 13 февраля 1992).

Гачев - мой друг самый старый (приходили и правда, друг к другу мы «во свояси»), шестьдесят лет за плечами, общая жизнь. Память глубокая, старая, самая дорогая. Общие воспоминания, скажем, 1953-го, 1961-го и 1965-го. Март 53-го - у меня есть очерк с таким названием о том, как Гена примчался из Брянска, где отбывал что-то вроде производственной ссылки за невозможностью пройти в аспирантуру сыну врага народа (памяти которого столько потом служил и ее возделывал, восстанавливал: «Дмитрий Гачев. Статьи, Письма. Воспоминания», М., «Музыка», 1975), примчался из Брянска, и мы пошли хоронить вождя, того самого, отца загубившего. И когда потом нас спрашивали, зачем мы ходили, мы отвечали, что это было такое событие в нашей жизни, которое надо было видеть. Июнь 61-го - поездка втроем (с Вадимом Кожиновым) в Саранск к Бахтину, оказавшаяся поворотным событием не только для нас троих, но и для самого Бахтина, в некотором роде, скажем так, событием историческим. Гачев там то ли встал, то ли все же не вставал перед ним на колени (общие воспоминания, в том и числе и собственные его, разошлись), но во всяком случае преклонился.

Наконец, декабрь 65-го - арест Андрея Синявского, когда к нам в институт перед судом явился следователь из органов, и на встречу с ним сгоняли весь институт. Всех обзванивали, я не пошел, а Гачев пошел и задал вопрос: - А где же презумпция невиновности? Это слово мы недавно тогда услышали от XX съезда, и Гачев его следствию предъявил. И наши начальники рты раскрыли. Это был поступок совсем в те времена беспрецедентный, **поступок** - Гачева одного поступок (после него и поведение самих героев на суде было беспрецедентным, как и поступок В.Д.Дувакина).

В книге о Синявском Гачев поминает заученное: жить в обществе и быть свободным от общества... И говорит за Синявского и за себя: - А я попробую. Если хочешь быть свободным - будь им. Словно экспериментальная установка на свободную жизнь. Эксперимент на жизнь входил в его биографию и в значительной мере строил ее.

Еще раньше на его пути был экспериментальный момент решающий - осень 61-го, когда он уходил из Института (и из семьи), уходил на флот. Памятником этого события осталась книга «60 дней в мышлении» - «книга отчаянного жанра», так автор ее называет. 45 лет понадобилось, чтобы она была издана лишь в 2006-м, перед кончиной уже. Впервые там он так перемешал и перепутал, и совместил тем самым, теорию и человеческий быт, мысль и жизнь, рождение настоящего Гачева. Авантюрно-бытовой научный роман, теоретический детектив. Тоже книга-поступок. Авантюра в мысли как гачевский жанр.

Год назад, по свежему следу трагедии, «Литгазета» помянула его, напечатав его последние дневниковые тексты, заключавшиеся записью самой последней, утром или днем 23 марта: «Пасмурно. Воля не возжигается - жить. Хоть приник к чужой жизни - через музыку: вариации для кларнета Россини... - залили радостью молодости - и красотой». Дневник он вел непрерывно, каждый день, это последние строки. Драматичная запись, но пасмурность заливается музыкой, столько значившей в его жизни, так что и самую мысль его - философскую, теоретическую - мы читаем, чувствуем, слушаем как мысль музыкальную. Послушав кларнет Россини и записав, пошел на станцию по делам. В свои без году 80 он умер не от этих лет. Он не умер - погиб. Нас всех подстерегает случай. Случай бешеный, как электричка.